

9. Уфимцева А. А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1986. – 240 с.
10. Brinkmann H. Die Wortartenim Deutschen / H. Brinkmann // Das Ringen um eine neue deutsche Grammatik. – Darmstadt, 1965. – S. 101–127.
11. Erben J. Einführung in die deutsche Wortbildungslehre / J. Erben. – Berlin : Erich Schmidt Verlag, 2000. – Verlag GmbH, 2007. – 382 s.
12. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut, 1983. – 363 s.
13. Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache / W. Fleischer, I. Barz. – Tübingen : Niemeyer Verlag GmbH, 2007. – 382 s.
14. Kurth R. Über den Gebrauch der Bildungen auf und Gebrauch der Wörter auf -ei, -erei, -elei / R. Kurth // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. – Halle (Saale), 1953. – Bd. 75. – S. 442–451.
15. Mater E. Deutsche Verben. Bd. 3. / E. Mater. – Leipzig VEB Bibliographisches Institut, 1967. – 122 s.
16. Stepanowa M. D. Grundzüge der deutschen Wortbildung / M. D. Stepanowa, W. Fleischer. – Leipzig VEB Bibliographisches Institut, 1985. – 236 s.
17. SchippanTh. Die Verbalsubstantive in der deutschen Sprache der Gegenwart / Th. Schippan // Deutschunterricht, H. 9. – 1968. – S. 516–526.
18. Wellmann H. Das Substantiv / H. Wellmann. – Düsseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1975. – 500 s.

Надійшла до редколегії 08.02.16

УДК 811.161.1'342

С. Л. Попов

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

О ПЕРЦЕПТИВНО-ЛОГИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ФОНЕТИЧЕСКОГО СТРОЯ РУССКОГО ЯЗЫКА: СОГЛАСНЫЕ

Представлены результаты когнитивно-исторического изучения перцептивно-логической эволюции фонетического строя русского языка, осуществленного на примере согласных. Подход основывается на когнитивно-эволюционной идее исторической зависимости языковых структур от когнитивных структур носителей языка. Исследование проведено с привлечением когнитивных понятий степеней восприятия, обеспечивающих соответствующее качество логики носителей русского языка и, соответственно, логичности различных аспектов русского консонантизма в ходе их эволюции.

Ключевые слова: восприятие, логика, эволюция, фонетика, согласные.

Попов С. Л. Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна. **ЩОДО ПЕРЦЕПТИВНО-ЛОГІЧНОЇ ЕВОЛЮЦІЇ ФОНЕТИЧНОГО ЛАДУ РОСІЙСЬКОЇ МОВИ: ПРИГОЛОСНІ**

Подано результати когнітивно-історичного вивчення перцептивно-логічної еволюції фонетичного ладу російської мови, яке здійснене на прикладі приголосних. Підхід ґрунтується на когнітивно-еволюційній ідеї історичної залежності мовних структур від когнітивних структур носіїв мови. Дослідження проведено із залученням когнітивних понять ступенів сприйняття, що забезпечують відповідну якість логіки носіїв російської мови і, відповідно, логічності різних аспектів російського консонантизму в ході їх еволюції.

Ключові слова: сприйняття, логіка, еволюція, фонетика, приголосні.

Popov S. L. Karazin Kharkiv National University. *REVISITING THE PERCEPTUALLY-LOGICAL EVOLUTION OF THE PHONETIC SYSTEM IN RUSSIAN LANGUAGE: CONSONANTS*

The article presents the cognitive and historical research of perceptually-logical evolution of the phonetic system in Russian language carried out as exemplified in the consonant sounds. This study is in line with the new scientific approach: cognitive and evolutionary aspect of language researches. This approach implies increased attention to human perception and logic in their evolution. Based on the information of anthroponomic sciences related to linguistics about degrees of perception and logics quality, this approach allows to see the deeper causes of knowable phenomena.

The aim of this article is the study of perceptually-logical influence on the aspect consonant of phonetic system in Russian language.

The examination of historical transformations of Russian consonants in terms of perceptually-logical evolution allows to draw the following conclusion. Russian native speakers, basically having alternative perception and subconsciously trying to provide a variety of meanings, optimize system of the Russian phonetic system by strengthening opposition of consonants in hardness-softness. This optimization is not always logically impeccable, but for Russian consonants, in full compliance with «the law of Baudouin», quite biased.

This one-sided bias is a testament to superficial perception of the possibility to provide a greater degree of discernment of meanings. Such a superficial perception is peculiar to carriers of all languages. It is advisable to study perceptually-logical evolution of Russian vocalism.

Key words: perception, logics, evolution, phonetics, consonants.

Хорошо известно, что естественные языки с течением времени изменяются на всех своих ярусах. Это убедительно доказано трудами представителей сравнительно-исторического языкознания. Для большинства лингвистов языковые изменения являются абсолютным синонимом проявлений аксиоматически прогрессивного развития языка. Однако встречается и различие прогрессивного и непрогрессивного языкового развития. Как следствие такого различия по-разному трактуется и понятие языковой эволюции. Например, Б. А. Серебренников отождествляет эволюцию с прогрессом и различает относительный и абсолютный языковые прогрессы [14], а Н. В. Юдина различает в языке «просто изменения», которые называет эволюцией, и «изменения прогрессивные» [21, с. 264–265].

Когнитивно-эволюционный подход, предложенный эволюционной эпистемологией к изучению закономерностей познания человеком явлений действительности и примененный нами к изучению механизма дифференциации русских грамматических вариантов, позволил осознать правоту Б. А. Серебренникова и других лингвистов, склонных видеть в языковых изменениях языковой прогресс, и признать эволюцию языка потенциально позитивной, характеризующейся высокой степенью позитивной реализации. Основой для такого признания стала фиксация когнитивно-эволюционного алгоритма «восприятие → логичность мышления → логичность грамматики». Восприятие может быть: 1) синкретичным, то есть целостным, не позволяющим дифференцировать признаки и, следовательно, категоризировать познаваемое; 2) поверхностным, то есть ориентированным на ближайшие, наиболее заметные, «лежащие на поверхности» признаки, по которым и происходит категоризация, часто ошибочная; и 3) альтернативным, то есть ориентированным на все имеющиеся в наличии признаки, благодаря чему может быть выбран признак, категоризация по которому корректна. Каждая из этих степеней восприятия обеспечивает соответствующее качество логичности мышления и, как следствие, логичности тесно связанной с мышлением грамматики (подробнее об этом см.: [10, с. 64–142]). Однако очевидно, что перцептивно обусловленное качество логичности мышления влияет не только на грамматический строй – в той или иной степени оно влияет на язык в целом, то есть на все его уровни, обуславливая соответствующее качество их логичности.

Цель настоящей статьи – рассмотреть проявления влияния перцептивно-логической зависимости на консонантный аспект фонетического строя русского языка.

На первый, часто поверхностный, взгляд, поиск логики в звуковом строе языка вообще и консонантном его инвентаре в частности неуместен хотя бы потому, что звуки языка, будучи лишены смыслового наполнения, традиционно признаются строительным материалом для создания более значимых языковых единиц. Однако при вдумчивом подходе можно констатировать две логичные характеристики звукового инвентаря любого языка. Во-первых, звуки языка всегда представляют собой систему со своими, в той или иной мере логичными, парадигматическими и синтагматическими отношениями. Как справедливо замечает С. А. Бурлак, «не существует языка, в котором фонемный инвентарь был бы устроен совершенно хаотически» [4, с. 61]. Во-вторых, от развитости такого системно организованного инвентаря звуков зависит смыслоразличительная способность языка (условимся считать смыслоразличение общим понятием, включающим и семантические, и стилистические различия): чем больше звуков – тем качественнее такая способность.

Известно, что языки первобытных народов, равно как и произносящих первые звуки детей (изоморфизм филогенеза и онтогенеза, гипотетически отмеченный в свое время Л. С. Выготским, в настоящее время несомненен [1, с. 52]), имеют относительно мало звуков (и, как следствие, слов), поскольку в окружающей их и познанной ими действительности нет такого количества объектов, для обозначения которых понадобилась бы опирающаяся на развитый звуковой инвентарь смыслоразличительная способность (у произносящих первые звуки детей отсутствие такой потребности сопровождается недостаточной развитостью артикуляционного аппарата, что вполне коррелирует с весьма относительной развитостью такого аппарата у древних и первобытных народов). По мере расширения сферы познания увеличивается потребность в смыслоразличении. Когда носители языка подсознательно воспринимают эту потребность, они так же подсознательно осуществляют деятельность, компенсирующую недостаточность звуков. Эта деятельность во всех языках различна, что, с точки зрения эволюционной эпистемологии, неудивительно: присущая человечеству и трудно преодолеваемая поверхностность восприятия обуславливает случайность выбора возможности компенсации. Еще И. С. Рижский писал: «Представим себе, что несколько человек смотрят в одно время на один огромный предмет. Поелику никто из них не в состоянии объять его всем своим взором, то один видит только одну, другой другую, и так далее, притом иной самую важную, иной, напротив, малозначущую его часть. Подобно сему первоначально действует на умы разных народов всякий предмет» [12, с. 37]. Неудивительно, что «блуждание взора», неспособность зафиксировать существенные признаки наблюдается и у младших дошкольников [20, с. 205].

Конечно, фиксируемая спонтанность фонетических изменений может являться следствием их недоизученности (см. об этом фундаментальный историко-фонологический труд В. И. Постоваловой [11, с. 101–102]). Но такая недоизученность не всегда является свидетельством того, что логическая стройность и единообразие в самом деле имеют место. Как убедительно констатирует Л. Б. Вишняцкий, «наша состоявшаяся эволюционная история – это только один из многих потенциально существовавших ее сценариев, который, в отличие от других, не остался запасным лишь в силу во многом случайного стечения мало связанных между собой обстоятельств» [5, с. 7]. То же можно сказать о звуковом развитии языков. Но любая стихийная компенсация звукового недостатка логична уже постольку, поскольку является естественной реакцией на восприятие потребности

улучшить смысловоразличение. Например, в финском языке наблюдается наиболее скудный среди всех финно-угорских языков состав согласных, поэтому в данном языке часто встречаются длинные слова с удвоенными согласными и гласными: финны восприняли именно такую, синтагматическую, возможность удовлетворить потребность в большем смысловоразличении. Аналогичным путем пошли гавайцы: в гавайском языке всего 12 фонем, 5 гласных и 7 согласных, поэтому в нем обычны такие длинные, но фонетически простые слова, как, например, *манаманалима* («палец»). В этом слове только 3 сонорных согласных [м], [н], [л] и два гласных [а] и [и], один из которых – [а] – повторяется пять раз (то есть наблюдается простейший слоговой сингармонизм) – поэтому различительная способность обеспечивается повторением одинаковых звуко сочетаний и, соответственно, «удлинением» слова (ср. в малагасийском, включающем «океанический субстрат», название столицы Малагасийской республики: *Антананариву*). В кабардинских языках имеется только два гласных, но этот различительный недостаток компенсируется значительным количеством согласных (от 70 до 80): кабардинцы пошли по пути совершенствования системы консонантизма. В китайском языке сравнительно немного слогов (414), большинство китайских слов односложны, что само по себе не обеспечивает самодостаточность различительной способности языка. Однако китайский язык избавлен от этого логического затруднения достаточно архаичным способом: совершенствованием системы музыкальных тонов (музыкального ударения), благодаря которой один слог получает до четырех (в некоторых диалектах больше) разных по высоте и интонированию звуковых форм (сейчас в китайском языке 1324 слога) [13, с. 117–119].

Хорошо известно, что в истории русской фонетики происходили взаимозависимые процессы упрощения вокализма и усложнения консонантизма («закон Бодуэна»). Однако не все явления в сфере русских согласных можно признать способствующими смысловоразличению.

Например, имеется два фонетических предположения относительно развития [в] в таком морфологическом явлении, как окончания прилагательных р. п. ед. ч. м. и ср. р. *-ого* и *-его*. По одной версии, [з] в этих флексиях (неизвестно, по какой причине) стал вначале фрикативным, потом исчез вовсе, а затем образовавшееся (не свойственное русской фонетике) зияние было устранено образованием наиболее артикуляционно удобного перед лабиализованным [о] губно-зубного [в] (это подтверждается некоторыми диалектными явлениями). Согласно второй версии, это [в] могло возникнуть под влиянием [в] в р. п. ед. ч. м. р. многочисленных и продуктивных кратких притяжательных прилагательных (*отъцева, Петрова*) [18, с. 210–213; 3, с. 250–252; 8, с. 316; 6, с. 238–241; 16, с. 203–207]. Каждая версия по-своему логична, каждая не может быть подтверждена стопроцентно очевидными эмпирическими доказательствами. Однако важно другое: наличие противоречия между графикой и фонетикой, досаждающее преподавателям русского языка как неродного, которые вынуждены как-то объяснять эту достаточно вопиющую нелогичность своим подопечным.

В современной русской фонологии до сих пор имеются слабые позиции глухих и звонких звуков, в которых они не различаются, вызывая к жизни омофоны типа *стог – сток*, совершенно не способствующие смысловоразличению – как обуславливающие коммуникативные неудачи при устном общении.

Не состоялась логичная по своей сути симметрия парности по твердости-мягкости звуков [ч'] и [ц].

И все же следует обратить внимание на фонетико-консонантные факты, свидетельствующие об эволюции восприятия у носителей русского языка от поверхностного к альтернативному.

Например, после утраты редуцированных твердые звуки – как предлоги и как префиксы, этимологическая связь которых с предлогами общеизвестна, – стали оказываться непосредственно перед *[u]*: *[с'ь иваном]* – *[с-иваном]*, *[с'ыскати]* – *[с-искати]*. В подобных, но не предложно-префиксальных, случаях в русской фонетике срабатывала и срабатывает регрессивная ассимиляция, явление логичное относительно, ибо в данном случае носителями языка поверхностно воспринято лишь одно направление ассимиляции. Однако в данной ситуации возникло обратное явление, то есть прогрессивная ассимиляция: не предшествующий согласный стал мягким перед гласным переднего ряда (*[с'иваном]*, *[с'ыскати]*), а последующий *[u]* отреагировал продвижением назад, то есть превращением в *[ы]*, после твердого согласного (*[сываном]*, *[сыскати]*). Объяснения этому явлению в литературе по исторической грамматике мы не обнаружили (см. [18, с. 114; 3, с. 128–129; 8, с. 209–211; 6, с. 81–83]). Но интересным представляется мнение М. В. Панова, согласно образному выражению которого в таких случаях «предлог бунтовал: он хотел везде быть равен себе» [9, с. 125]. Разумеется, то же «бунтарство» в этих ситуациях следует относить и к префиксу. Русские предлоги и этимологически производные от них префиксы не меняют произносительную твердость на мягкость ни при каких «потенциально смягчающих» обстоятельствах: ни перед *[u]*, ни перед *[e]*, ни перед *[j]*. Более того, согласно многочисленным наблюдениям исследователей, в современном русском языке регрессивная ассимиляция постепенно сходит на нет: перед мягким согласным твердый все чаще не смягчается, все чаще можно слышать *[в'м'ес'т'ь]*, а не *[в'м'ес'т'ь]*. Несмягченные перед мягкими зубные М. В. Панов называет немаркированными по мягкости-твердости и обращает внимание на то, что «это рождение немаркированных единиц» наблюдается лишь «в конце XIX–XX вв.» [9, с. 443]. Л. Л. Касаткин, проанализировав все имеющиеся объяснения этого явления, предлагает считать его причиной «внутреннюю перестройку фонологической системы – изменение в языковом сознании говорящих... когда первый мягкий согласный подобных сочетаний, представлявший твердую/мягкую архифонему, был переинтерпретирован как вариант твердой фонемы. В результате и возникло стремление заменить его доминантой этой твердой фонемы – основным ее представителем» [15, с. 276; см. также с. 274–374]. Указанное «изменение в языковом сознании говорящих» в данном случае могло произойти лишь при достаточном для этого уровне развития абстрактного мышления, поскольку интерпретировать (разумеется, подсознательно) варианты как разновидности одной фонемы – без отвлеченного представления каждого из них – невозможно. В свою очередь абстрактность мышления может быть обеспечена только альтернативностью восприятия. По нашему мнению, альтернативно воспринимая фонетические явления русского языка, современные его носители не могут не воспринимать противоречие между мягким произношением и «твердым» (без графического обозначения мягкости) написанием согласного звука перед мягким согласным, что и приводит к интерпретации этого первого согласного как варианта твердой фонемы (противоречие между написанием и произношением редуцированных гласных не разрешается, по-видимому, потому, что в сфере фонетического смысловозначения, в соответствии с «законом Бодуэна», ставка сделана на согласные).

В древнерусском языке заднеязычные *[к']*, *[г']*, *[х']* не могли сочетаться с передним *[u]* еще с праславянских времен, меняясь перед ним на более для него в то время удобные *[ц']*, *[з']*, *[с']* [7, с. 125–126; 18, с. 142–144; 3, с. 129; 8, с. 211–212; 6, с. 76–77] и подтверждая тем самым действие универсального закона инерции в «младенческом возрасте» любого языка, и детского, и первобытного, вызванное недостаточной развитостью артикуляционного аппарата его носителей.

С XII–XIII вв., как известно, наблюдается артикуляционно-консонантный (компенсирующий уменьшение состава гласных) прогресс: начинают появляться сочетания [к'и], [г'и], [х'и] внутри морфем, а [кы], [гы], [хы] сохраняются на стыке морфем. Прекращение указанного чередования перед [и] свидетельствует об утверждении у носителей языка альтернативности восприятия: проявилась способность сравнить следование «детскому» по своей сути удобству произношения с обеспечивающим ясность тождеством звука самому себе и предпочесть более логичную ясность смысловозначения менее логичному – как не способствующего такой ясности – удобству произношения.

Примечательно, что в русском языке «в новое время корреляция по твердости ~ мягкости как бы расширяет свои возможности, охватывая новые согласные, формируя новые сильные позиции и сокращая число слабых позиций» [6, с. 119]. Сейчас, по всей видимости, указанное расширение можно констатировать и без осторожного «как бы»: примеры обычного смягчения и сравнительно нового для русского языка несмягчения согласного перед [е] в [плс'т'ел'] и [плстел'], [с'ер] и [сер] вполне красноречивы и вписываются в обеспеченную альтернативностью восприятия универсальную тенденцию к фонологической симметрии, которая, впрочем, никогда не бывает абсолютной: в любой звуковой системе имеются исторически устоявшиеся пробелы, не обнаруживающие стремления к симметрии [17, с. 72–73], например уже упомянутые русские непарные по твердости-мягкости [ч'] и [ц].

Об альтернативности восприятия красноречиво свидетельствуют случаи изменения на стыке предлога с именем, например *с своей стороны* (см., например, [2, с. 215]) в *со своей стороны*. *С своей* трудно воспринять на слух как включающее предлог *с*, и затруднительно артикулировать двойное [с] перед согласным.

Большую регулярность в наше время приобрела обусловленная альтернативностью восприятия вставка *н* в начале косвенных падежных форм личных местоимений при их сочетании с предлогами (*у него, за нее, от них*), позволившая отличать личные местоимения от местоимений притяжательных (*у его друга, за ее семьей, от их дома*). Столетие назад эта регулярность еще не была абсолютной: В. И. Чернышев констатировал сохранение прежней тенденции в сочетаниях с предлогами *кроме, мимо, около, между* (*кроме его, мимо ее, около их, между ими*) [19, с. 542].

Таким образом, рассмотрение исторических преобразований русского консонантизма с точки зрения перцептивно-логической эволюции позволяет говорить о том, что обладающие альтернативным восприятием носители русского языка, стремясь обеспечить возможности смысловозначения, оптимизируют систему русских звуков усилением противопоставления согласных по твердости-мягкости. Эта оптимизация не всегда логически безупречна, но для русского консонантизма, в полном соответствии с «законом Бодуэна», вполне тенденциозна. С позиций большей абстрактности вполне очевидно, что такая односторонняя тенденциозность является свидетельством поверхностного, свойственного носителям всех языков, восприятия возможности обеспечить большую степень смысловозначения.

Представляется симметрично целесообразным изучение перцептивно-логической эволюции русского вокализма.

Библиографические ссылки

1. Барулин А. Н. К аргументации полигенеза / А. Н. Барулин // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема про-

- исхождения языка / сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 41–58.
2. **Богородицкий В. А.** Синтаксис родительного падежа в русском языке / В. А. Богородицкий // Очерки по языковедению и русскому языку / В. А. Богородицкий. – 5-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 210–218.
 3. **Борковский В. И.** Историческая грамматика русского языка / В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 1965. – 554 с.
 4. **Бурлак С.** Происхождение языка: Факты, исследования, гипотезы / С. Бурлак. – М. : Астрель CORPUS, 2011. – 464 с.
 5. **Вишняцкий Л. Б.** Человек в лабиринте эволюции / Л. Б. Вишняцкий. – М. : Весь Мир, 2004. – 156 с.
 6. **Горшкова К. В.** Историческая грамматика русского языка : учеб. пособие для ун-тов / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. – М. : Высш. школа, 1981. – 359 с.
 7. **Дурново Н.** Очерк истории русского языка / Н. Дурново. – М.-Л. : Госиздат, 1924. – 376 с.
 8. **Иванов В. В.** Историческая грамматика русского языка : учеб. для студентов филол. спец. фак. ун-тов и пед. ин-тов / В. В. Иванов. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1983. – 399 с.
 9. **Панов М. В.** История русского литературного произношения XVIII–XX вв. / М. В. Панов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 456 с.
 10. **Попов С. Л.** Грамматические варианты в русском языке: когнитивно-эволюционный аспект : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02 / Сергей Леонидович Попов. – Харьков, 2015. – 453 с.
 11. **Постовалова В. И.** Историческая фонология и ее основания. Опыт логико-методологического анализа / В. И. Постовалова ; отв. ред. Б. А. Серебренников. – 2-е изд., доп. – М. : КомКнига, 2006. – 232 с.
 12. **Рижский И. С.** Введение в круг словесности / И. С. Рижский // Хрестоматия по истории русского языкознания : учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов ; под ред. Ф. П. Филина. – М. : Высш. школа, 1973. – С. 37–39.
 13. **Серебренников Б. А.** Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление / Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1988. – 242 с.
 14. **Серебренников Б. А.** Язык как исторически развивающееся явление. Проблема прогресса в развитии языков / Б. А. Серебренников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1970. – С. 302–307.
 15. **Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков** / [отв. ред. Л. П. Крысин]. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 712 с.
 16. **Хабургаев Г. А.** Очерки по исторической морфологии русского языка. Имена / Г. А. Хабургаев. – М. : Изд-во МГУ, 1990. – 296 с.
 17. **Хоккет Ч. Ф.** Проблема языковых универсалий / Ч. Ф. Хоккет // Новое в лингвистике. Вып. 5. – М. : Иностран. литература, 1970. – С. 45–76.
 18. **Черных П. Я.** Историческая грамматика русского языка / П. Я. Черных. – 3-е изд. – М. : Учпедгиз, 1962. – 376 с.
 19. **Чернышев В. И.** Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики / В. И. Чернышев // Избранные труды в 2 т. / В. И. Чернышев [сост. А. М. Иорданский, В. Г. Костомаров, И. Ф. Протченко]. – Т. 1. – [вступит. статья акад. В. В. Виноградова]. – М. : Просвещение, 1970. – С. 443–641.
 20. **Эльконин Д. Б.** Детская психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Д. Б. Эльконин ; ред.-сост. Б. Д. Эльконин. – 2-е изд., стереотип. – М. : Изд. центр «Академия», 2005. – 384 с.
 21. **Юдина Н. В.** Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? / Н. В. Юдина. – М. : Гнозис, 2010. – 293 с.

Надійшла до редколегії 02.02.16